

НИКОЛАЙ АРСЕНЬЕВ

БЕЗБРЕЖНОЕ СЯНИЕ

СТИХОТВОРЕНИЯ

НИКОЛАЙ АРСЕНЬЕВ

БЕЗБРЕЖНОЕ СЯНИЕ

СТИХОТВОРЕНИЯ

3-ье издание

1972

*Посвящается моему брату
Юрию Сергѣевичу Арсеньеву*

Склад изданія у автора :

N. Arseniev, 161 Franklin Ave, Sea Cliff, Long Island,
N. Y. USA.

I

О луч утра! О золотой призыв!
О на лужайках солнце и жужжанье,
Букашек ползанье, травы дрожанье
И вѣтерка волнующій порыв!

Иду, иду, всѣ пути позабыв,
Весь окунуться в это трепетанье,
Весь раствориться с ним в одно дыханье,
В лазурно-опьяняющій прилив!

Он набѣжал, и бѣдная душа,
Захвачена, меж счастья и томленій,
Молчит, живет, внимает, чуть дыша.

Залиты солнцем всѣ кусты сирени,
Лучами и прохладой дрожа,
Блестит трава под дымкою весенней.

1926

ИЗ ЦИКЛА: «ЮНОСТЬ»

Верхом, верхом! Как утро разгорѣлось!
Пора, пора! Скорѣе на коня!
Как все кругом раскрылось и распѣлось!
То утра зов, то утро ждет меня.
Как солнце луг под окнами пригрѣло!
Скорѣй туда — облить водой все тѣло!

Ты помнишь ли: огнистою слезою
Горят цвѣты и травы на лугах . . .
Меж лопухов, обрызганных росою,
Иду к конюшнѣ в мокрых сапогах,
Как разгорается восток все шире! . . .
Как все горит и блещет в юном мѣрѣ!

Ты помнишь ли тот трепет свѣтло - синій,
Ты помнишь ли тот золотой простор:
Как мы неслись меж зарослей полыни,
Как жадно вдаль впивался юный взор,
И как чрез пар, в мерцаньи злато - сѣром,
Мы понеслись неистовым карьером?

Несемся мы, а вѣтерок весенній
То лоб щекочет, то прильнет к щекѣ.
Струятся волны золотистых тѣней,
И лѣс дрожит и манит вдаль . . .
И вот на луг, съѣзжая вниз оврагом,
Мы лошадей пустили тихим шагом.

Въѣзжаем мы под свод вѣтвей шуршащих,
В чертог зеленый молодой весны.
Как все поет и свищет в этих чащах!
И вдруг опять — прорывы тишины.
— «Давай считать — (как тишина ликует!) —
«Сколько нам раз кукушка прокукует?»

Конец октября 1945

ВЕСЕННИЙ СОНЕТ

В моих ушах звенит волшебный рог,
Что изрѣдка, над сонною листвою,
К своим устам подносит водный бог,
С увитою цвѣтами головою.

Один, в тѣни трепещущих осок,
Я здѣсь прилег, меж кашкой луговою,
И тихій звук игривый вѣтерок
Приносит мнѣ и шелестит травою.

Я слушаю, а сладостные сны
В лучах сіяющих, что сходят с вышны,
Тѣснятся надо мной, невидимые взору;

И тихо все, лишь вѣтер нѣжит слух;
И в тишинѣ полей стремится дух
К безмолвным небесам и вѣчному простору.

1904

Я спал в своей постели. Мнѣ ж казалось,
Что я лежал на трепетном лугу,
И желтые и синіе цвѣты
Вокруг меня без счета волновались.
Я чувствовал медвяное дыханье,
Тот легкій пар, что от лугов восходит,
Нагрѣтых ранним солнцем на зарѣ.
Я чувствовал, как теплый вѣтерок
Мнѣ прядь волос трепал на лбу, а сам он
Был растворен, согрѣт лучами утра.
И был покой. И тишина лугов
Безбрежная охватывала душу,
Охватывала тѣло. Я молчал
И радовался этим синим волнам,
Весь упоен дыханьем медвяным.
И грѣло солнце, и струи дрожали,
И расходились синими волнами
Крути цвѣтов, дрожавших на зарѣ.

1926

Что видѣл я там на горѣ,
Гдѣ тишина и радость храма,
Гдѣ вмѣсто клубов фиміама
Туман струится на зарѣ?

Богослуженіе дубов,
Охваченных лазурью чистой,
И трепет дымки золотистой,
Наброшенной на темь лѣсов.

1922

О тишь и жар! Высокій сонм крапивы
Над свѣтлым прудом дремлет, чуть дыша.
Скользят и шепчут зыбких струй извивы,
Нежданных снов коснулася душа.

Под трепетом іюньскаго привѣта
Горит и блещет и сверкает синь.
Цвѣтет тростник. Струит свой зов польнь.
И даль близка, и так земля согрѣта.

1950

ТИШИНА

В лѣсной шалаш над гладью зыбкой пруда
Я раз зашел. Зеленый полусвѣт.
Трепещущія чащи изумруда
Сквозь окна шлют со всѣх сторон привѣт.
Дрожит камыш, и в сердцѣ еле-еле
Как будто струны дальнія запѣли.

То четкой, полнолѣсной струною
Вдруг прожужжит косматая пчела,
То все опять объято тишиною.
И так душа недвижна и свѣтла:
Как бы рѣки зеркальное теченье,
Без слов, без звуков, внутреннее пѣнье.

Над круглыми пловучими листьями,
Блестя, кружится желтый мотылек.
Иду, иду заросшими путями
Над берегом, меж трепетных осок,
И тишина полуденной истомы
Есть голос мнѣ, любимый и знакомый.

20 окт. 1945

В тиши лугов — там, гдѣ ручей змѣится,
Медовый клевер шепчет молвь свою.
О ткань лучей! А сквозь нее струится
Моя Мечта, которую люблю.

Кругом порыв без грани, без предѣла.
Лучи, лучи и радость без конца!
Как будто радость та весь мир одѣла,
Как будто новый мир свивает в тѣло
Сіяніе лазурнаго вѣнца!

1927

Над озером, уснувшим меж овсами,
Порой лишь чибис прозвенит в глуши,
И льется мир над свѣтлыми лѣсами
В сіяющей лазоревой тиши.

Насыщен солнцем воздух. Чуть замѣтно
Качнулся лист. Недвижима сосна.
Как озеро прозрачно и привѣтно,
Как будто раскрывается до дна!

25 авг. 1951

ВЕЧЕРНИЙ СОНЕТ I

Был вечер. Дождь все шел. А там вдали горѣли
Прощальной славою заката небеса,
И было так свѣтло, и так в сіяньи млѣли,
Одѣты дымкою, кудрявые лѣса.

Простор безбережный! Лишь перьями алѣли
Остатки туч, но пронеслась гроза.
Шептались ивы, чуть дрожали ели,
С них капала прозрачная слеза.

В глуши лѣсной уж пробуждались трели,
Уже дышал в ней ландыш, свѣж и чист.
Струи потока гасли и синѣли.

Как этот час отраден и душист!
Как помыслы внезапно просвѣтлѣли!
Как, засыпая, кольхался лист!

1907

ВЕЧЕРНИЙ СОНЕТ II

Поля шумят златистою волной,
Нисходит вечер, свѣжій и туманный,
Объято все знакомой и желанной,
Знакомой и завѣтной тишиной.

Там, гдѣ стада бредут над крутизной,
Как блещет луг, уже росой убранный!
И как покров вечерній, златотканный
Нисходит над долиною рѣчной!

Охвачены безбрежною тоской,
Так трепетны струи лазури чистой,
И пьют поля, так жадно пьют покой.

Послѣдній луч сверкнул в долинѣ мгlistой,
Послѣдній луч погаснул за рѣкой,
И так запах траввою луг росистый.

1910

ИЗ ЮНОСТИ

(Отрывок поэмы)

Я рос один средь дѣдовской деревни
Под сѣнью лип, у старого пруда.
Огромный дом, таинственный и древній,
Террасами спускался в сад. Туда
Я на зарѣ бѣжал весной зеленой
— Бродить в травѣ, росой окропленной...

И слышал я: вверху над головою
Весенний гул — то липы и клены
Склоняются блестящею листвою,
Врываются привѣтом в мои сны,
И чудилось: дыханьем жизни юной
Звенят, дрожат невидимыя струны.

Там средь цвѣтов сіяющаго луга,
Гдѣ вѣтер замирает на лету,
Меж стебельков, трепещущих упруго,
Под яблоней, недвижимой в цвѣту,
Я там бродил или лежал часами,
Весенними пронизан голосами...

А солнца луч! Искрися и сверкая,
Он звал меня, и все опять зовет,
Все далѣе сквозь чащу увлекая
Сюда, на берег посребренных вод,
Гдѣ в камышѣ, рукою осторожной
Запрятан, ждет меня мой челн надежный...

Он на воду скользнул. Сомкнулись ели.
Как крылья, весла движутся мои!
За мною — сад, весь полный птичьих трелей,
Навстрѣчу мнѣ — огнистыя струи,
Охваченныя пляской молчаливой...
А вот и берег. Весь зарос крапивой.

То остров был, таинственный и чудный,
Взлелеянный на озера груди;
Он окружен каймою изумрудной
Прибрежных трав. А роща посреди
Полна и грез и дивных приключений,
Завѣтный край ребяческих видѣний!...

.

Но в час иной, в лазурный час вечерний,
Когда поля так жадно пьют покой,
Стучало сердце радостнѣй, безмѣрнѣй,
Охвачено безмѣрною тоской...
И чудилось тогда, что без усилья
В душѣ растут и вырастают крылья!

1907, 1920, 1922

ВЕЧЕРНИЙ ПОКОЙ

Как луг цвѣтет! Как в липах одиноких
Вечерніе рокочут соловьи!
О умири печаль своей любви
Молитвою о близких и далеких!

Весь упоенный, стебель цвѣтка дрожит
И тишина росистая струится,
И сердце вновь покой обрѣсть стремится —
— Тот сладкій мир, что сердце умягчит.

Июнь 1911

Тихо розовым сіяньем
Облиты вершины гор,
Догорающим мерцаньем
Чуть дрожит морской простор.

Тонет парус в мглѣ туманной,
Кротко сходит тишина,
Словно вѣстію желанной,
И чудесной и нежданной,
Вся душа озарена.

И объаты тишиною,
Чуть дрожат уста мои
Перед бездной водяною,
Перед тайною Любви.

1909

Погаснул день. Росисты и кудрявы
Молчат кусты. Раскрылась желтофіоль.
Ложится тѣнь от дремлющей дубравы
На мокрый луг. Проснулась в сердцѣ боль.

Весь день, весь день бродил я перед домом,
Всю ночь, всю ночь тебя я звал в тиши.
В краю ином, в далеком, в незнакомом,
Слыхала ль ты призыв моей души?

1912

Моей души живительная дума,
Моей души завѣтная мечта!
Мой перл! Тебя среди земного шума
Не назовут дрожащія уста.

Когда один я вечером печальным
Сажу, погасла за окном заря,
И хоры звѣзд уже прудом зеркальным
Отражены, мерцающая и горя, —

— В тот тихій час встаешь Ты предо мною,
Пронесся в сердцѣ звук шагов Твоих,
И я, к Тебѣ склоняясь головою,
Ищу покой в объятых дорогах.

Пусть дремлет мир, пусть ночь кругом угрюма, —
Но чрез Тебя мнѣ свѣтит темнота . . .
Моей души живительная дума!
Моей души завѣтная мечта!

1909

Как громко, как отчетливо, как звонко!
То ликование птичьих голосов.
И смолкло вдруг. И только струйкой тонкой
Каких-то щебетаний дальний зов.

Недвижима зеленая завѣса,
И загорается роса . . .
И свѣт, и блеск, и птичьи голоса . . .
И радостна безмолвна тайна лѣса.

Сентябрь 1955

Ты знаешь комнату: скользят и пляшут тѣни
Узорчатых кленов на крашенном полу?
Старинный книжный шкап орѣховый в углу,
Обвѣян отзвуком минувших поколѣній.

Я книгу с полки взял. В мальчишеском пылу
Бѣгу скорѣй в зеленый сад весенній.
Из томика стихов завѣтных пѣсен геній
Влечет с собой в таинственную мглу.

А сад кругом цвѣтет. Ты слышишь сладкій звон?
Дрожит, зовет и нарастает он
И отдается в сердцѣ мнѣ приливом.

Прохладный майскій день. В тѣни вѣтвей
Вдруг пропоет так звонко соловей,
Гдѣ старый дуб недвижим над обрывом.

1955

II

ИЗ СКАЗКИ

Есть страна — ни свѣтла, ни утрюма:
Там неслышно проходят года,
Как одна безконечная дума,
Как о счастья дальнем мечта.

Там сквозь звонкія плиты чертога
Уж пробилась трава и цвѣты,
Сѣни роз разрослись у порога,
И дремотны лѣсные цвѣты.

Набухающей свѣтлой слезою
Тихо каплет вечерній фонтан,
Насыщается воздух росою
И так сладок мечтаній туман.

Небо блещет, как праздник вѣнчальный,
Золотыми обрывками снов;
Гдѣ-то в глуби прозрачно-печальной
Изливается пѣсня без слов...

... О уйти бы из жизни утрюмой,
В этот край бы бѣжать, гдѣ года —
Как одна безконечная дума,
Как о счастья дальнем мечта!

1907

КАПИТОЛИ

Там наверху бѣлѣет Ага Соелі,
Озарена сіяніем луны,
Ступеньки бѣлыя из вышины
Зовут с собой к туманной дальней цѣли.

Внизу — недвижен конный Марк Аврелій,
В сребристый мрак дворцы погружены,
И царственно дыханье тишины,
И лишь фонтан лепечет еле-еле.

Пойдем туда, в далекій угол сада
(Нас ночь сюда нежданно завела).
Блестит дорожка. Все сильнѣй проклада.

Там высится Тарпейская скала,
Средь мирт и лавров, сѣрая громада.
Вѣет лимоном. Ночь полусвѣтла.

13 авг. 1954

ЛУННАЯ НОЧЬ

Ночь золотая, чаша аромата.
Я упоен дыханіем ночным.
Из этой чаши, трепетом объята,
Струится тишь по глубинам земным.

Как ярок лунный свѣт, как четки тѣни!
Звенят цикады в тишинѣ ночной.
Недвижно дремлют блѣдныя ступени,
Преображенныя луной.

1947

КАК БУДТО БАРКАРОЛЛА
(Шалость)

О молчащія струны,
О тишина . . .
Над зыбью лагуны
Луна! . . .

Так осторожен
Весельный всплеск;
Радостно-тревожен
Лунный блеск.

Лунный блеск и трепет лагуны,
Сіянье без слов . . .
О молчащія струны,
О хоры снов! . . .

Даль безшумно и нѣжно
Прохладой дарит.
Видишь: безбрежно
Она горит, —
Всѣми огнями горит.
Огнями и лучами говорит.

НОЧНЫЕ ЗВУКИ

Есть старая сказка — преданье
Из Индии, дивной страны,
Что слышится в полночь рыданье
Сквозь говор священной волны.

Смоковницы тѣнью угрюмой
Склонились над зеркалом вод —
Охваченный грустною думой,
Огромный нѣмой хоровод.

Но чу! — зашуршали мимозы;
Вот — Лотос расправил листы,
Утес льет кристальныя слезы,
Вздыхают лѣсные цвѣты.

Как будто в томлени разлуки,
Прервалася пѣснь соловья,
Исполнена скорби и муки,
И плачет, и стонет земля.

Не думай: тѣ звуки случайны.
В отвѣт, в глубинах голубых,
Вот — звѣзд безконечныя тайны
Зажглися из букв огневых.

1907

*
**

Храни источник свой в тѣни вѣтвей сокрыто!
В прозрачный час, когда не пышет зной,
Склонися над серебряной волной,
Сбѣгающей в гранитное корыто!

Как глубь лѣсная тишиной повита!
Как неподвижен воздух смоляной!
Здѣсь, здѣсь душа учула зов родной,
Торжественным безмолвіем омыта.

О край души! Край тихих пѣснопѣній,
Что, как из чаши каменной струи,
Излилися, шепча меж грез и бдѣній:

Как мнѣ призывны всѣ струи твои!
И как стволов недвижимое мерцанье
Твоей святыни сторожит молчанье!

1943

ЮНОШЕСКИЙ НАБРОСОК

Завѣтные звуки родятся не даром
На лонѣ смятенной души.
Как степь неожиданно вспыхнет пожаром,
Так вдруг пронеслись, удар за ударом,
Тѣ звуки в душевной тиши.

В Исландіи мшистой есть древняя сага
О водах цѣлбно-живых,
Но скрыта от смертных чудесная влага,
Ее не разыщет людская отвага,
Течет она в нѣдрах земных.

Но в годы страданій и горя людского,
Когда вымерзают поля,
Подземные гулы промчатся сурово,
Им эхо заворит в ущельи, и снова
Содрогнется с стоном земля.

И вмѣстѣ с столбом раскаленных камней
Вдруг вырвется ключ огневой,
И падают люди тогда на колѣни,
И нивы их пьют, средь молитвенных пѣній,
Струи этой влаги живой.

Так я, потрясенный, в смиреньи глубоком
Безмолвно дивлюсь на себя:
Мнѣ в сердце, объятые сном и пороком,
Побѣдным, живительным, мощным потоком
Вливается Жизни струя.

1906

III

У МОРЯ

Все тот же гул: призывной мощи полный,
Все тот же ритм: широкий вздох и всплеск,
И палево-сребристый блеск...
И эти зеленѣющія волны.

29 авг. 1948

Иду один... так радостно идти!
За мною — море и песок прибрежный,
И вѣтерок, так ласково небрежный,
Рубашку мнѣ колышет на груди.

Как льется жар и вмѣстѣ с ним прохлада!
Чуть вязнут ноги в пепельном пескѣ.
Лучи, лучи! Мнѣ бодро — налегкѣ:
Так хорошо, так ничего не надо!

1953

У МОРСКОГО ЗАЛИВА

О звонкій час полуденнаго зноя!
Звонят, звонят нагъвы тишины.
Прозрачныя морскія глубины,
Лазурныя, исполнены покоя.

Прохладный грот под сѣнію алая
Зовет к себѣ; там угнѣздились сны.
Вход сторожат сѣдые валуны,
Недвижимы и в бурный час прибоя.

И тишина, и звучное молчанье,
И всплеск волны, и благодатный зной,
И ящерицы меж камней мельканье . . .

Что случилось мнѣ? Как будто предо мной
Раскрылась дверь неожиданно в мір иной —
В безмѣрное, безмолвное Сіянье.

23-24 авг. 1951

НЕСЛЫШИМЫЕ ЗВУКИ

Моя душа полна мечты веселой
И трепетной и сладостной тоски,
Когда кругом смолкает лёс и долы
И замирает зыбь рѣки.

Пусть тишина легла кругом широко —
— Моей души порыв растет, растет,
Как не сдержат бурлистаго потока
Весенних полнозвучных вод.

В моей душѣ звучит, как гимн побѣдный,
Торжественный и радостный прилив.
Омыться в нем! Забыв о жизни бѣдной,
Земныя дразги позабыв.

Как будто мѣр кругом охвачен обновленьем,
Так новый день в моей душѣ воскрес,
И все полно неслышимым уху пѣньем . . .
И лишь в дремотѣ вторит лёс.

Май 1911

НА ГОРНОМ ХРЕБТѢ НА ЮГѢ

Мята, мирт и горная польнь.
И лучи, и глуби горной дали
В тихій час мнѣ радость нашептали
На хребтѣ сѣрѣющих твердынь.

Подо мной вонзилась в камень ель,
Четкій куст недвижим над обрывом,
Воздух полн полдневных сил приливом,
Трепетен и звонок, как свирѣль.

И с высот нисходит в тѣсный дол,
Как поток цѣлительный, молчанье...
В темный мір, гдѣ вздохи и стенанье,
Принеси то, что ты здѣсь обрѣл.

Сент. 1928

ИЗ ТЕРЕЗЫ ИСПАНСКОЙ

О чистота — безмѣрной глубины!
О глубина — безбрежнаго сіянья,
О в час ночной, в глубокій час молчанья,
Таинственные, трепетные сны!

Всѣ тайники моей души полны
Безмолвных слов и слез и воздыханья,
И слышно мнѣ, как будто трепетанья
Приносятся на крыльях тишины.

И раскрывается простор нежданный,
Простор бездонный радостных лучей.
Торжественный, безмѣрный и желанный,

И молкнет звук затверженных рѣчей,
И мір померкнул, блѣдный и туманный.
Перед сіяніем Твоих очей!

1920

*
**

Молчать и знать — да знать, что есть Любовь,
И что Любовь — пылающая сила,
И что Любовь сама постановила
Отдать Себя, проливши Свою кровь.

Молчать и знать, и видѣть: нѣт конца
И нѣт границ, нѣт мѣры, нѣт предѣла,
Той силы нѣт, чтоб грань поставить смѣла
Любви безбрежной Сына и Отца.

1954

*
**

Неизреченное! Твои я слышу зовы.
Душа повержена в пыли.
Неизъяснимое! Вдохни дух жизни новой,
Будь мнѣ звѣздой, сіяющей вдали!

Из глубины, из пропасти забвенья
Опять узрѣл я незакатный свѣт:
Есть Жизнь и Жизнь! И только
Смерти нѣт.
Угасла Смерть в лучах Преображенья . . .

Весна 1943 г.

IV

*
**

Раскрыт лопатой черный пласт земли
Вокруг стволов сѣрѣющего сада.
Еще весна далеко. Но отрада
Весенняя уж льется издали.

Как дышет вновь земля! На черноту
Уже ложится пух желто - зеленый,
И чует мир, невольно умиленный,
Надмірную, весеннюю мечту.

9 февраля 1956 г.

СИЦИЛИЙСКИЙ СОНЕТ

Безмолвныя громады сѣрых гор
И синева морская без предѣла,
И дымка лиловатая согрѣла
Недвижимо сіяющій простор.

Полудня час. Неслышный разговор
Земли и неба. Нѣт в сей миг раздѣла:
Безбрежное сіяніе одѣло
Все, все кругом, куда ни кинешь взор.

Недвижимость, насыщенность, молчанье,
Прозрачный блеск и радость и покой!
И замирает сердца трепетанье.

Сижу на взморѣ у скалы морской.
Чуть слышно камня и волны лобзанье.
Скользит и блещет пѣна под ногой.

Таормина, январь 1961 г.

НАД ОЗЕРОМ

Недвижима над озером сосна,
В лучах сѣрѣют лѣс и берег дикій,
Блестят на солнцѣ нити повилики
И нерушима неба глубина.

Этот покой . . . его испить до дна!
Не кольхнутся солнечные блики,
И там внизу, под кочками черники,
Лишь плесканье струи да тишина.

Зыбь пробѣжит улыбкой молчаливой.
Чуть дышет озеро. Полдневный зной
Заворожил лѣса, холмы и нивы.

И в тишинѣ кружатся надо мной
Как будто пѣсни дальней переливы,
Навѣянные из страны иной.

Канада, август 1961 г.

*
**

Нѣтъ, не жаль мнѣ молодость мою.
Хочешь, я про молодость спою?

Проскакать стрѣлою по лугам
В дальній лѣс, гдѣ птичій щебет, зов и гам,
Иль, спустившись по камням в морской залив,
Любоваться на сѣрѣющей прилив
И, скользнувши на песок (как горячо!),
Тѣм волнам подставить крѣпкое плечо,
Иль, поднявшись утром на вершину гор,
Видѣть покоренный, радостный простор;
И любить так, чтобы жизнь отдать,
И от счастья смѣяться и рыдать,
Это все, и солнце и росу,
В сердцѣ я до смерти донесу.

Весна 1961 г.

*
**

Видал ли ты: плясали буйно волны.
Был вѣтер. Нестерпим был солнца блеск.
И был ни ритм, ни вздох, ни звон, ни плеск,
А властный гул, сознанья мощи полный?

Ты помнишь ли: утес на берегу,
Пред нами зеленѣющія дали,
И волны нас как будто осаждали
И прыгали, разъярясь на бѣгу?

Ты помнишь: неприступный верх скалы
Нежданным градом пѣна обдавала
И море вдруг, смиряясь, уставало,
И точками взносились орлы?

20 ноября 1961 г.

Стихи из Граца

1. ПОЛДЕНЬ В ГОРАХ

Полусонныя трели врывались
В озаренную дрему души
И в весеннем лѣсу разливались,
Растворяясь в полдневной тиши.

Развернул широко свои крылья
Умиряющій сладостный зной.
Нѣт ни мыслей, ни грез, ни усилья.
Неподвижны луга подо мной.

2 мая 1963 г.

2. В ЛѢСУ

Туманный день — ни солнца нѣт, ни тѣней —
В лѣсу — чуть слышных щебетаній зов:
Как будто море, что в тиши весенней
Разлилось за предѣлы берегов.

Море чего? молчанья? или пѣнья?
Или того, что в глубинѣ струит,
И что порою, в час прикосновенья
Через тишину с тобою говорит?

5 мая 1963 г.

3. СОЛОВЕЙ И КУКУШКА

Соловей и кукушка, мои вы друзья,
Соловей и кукушка у лѣсного ручья.
Как ручей тонкой струйкой в водоем течет,
Так кукушка весь день, как по каплѣ, поет.

Но как мощный поток поет соловей,
Покоряя и лѣс и дол и людей.
Соловей и кукушка, каждый в родѣ своем, —
Все течет в один вѣчных струй водоем.

Водоем тихій струй, гдѣ всѣ пѣсни твои,
Всѣ сольются с моими в сияньи Зари,
Гдѣ мы встрѣтимся всѣ у Родного Ручья,
Соловей и кукушка, и всѣ вы, и я.

Грац, 6 мая 1963 г.

*
**

Рябит вода. Уж удлинились тѣни,
Скользят в водѣ вечерніе лучи.
В прозрачный час нежданных посѣщеній
Присядь на берегу и помолчи.

.

Я тишины словами не нарушу.
Склоняется на руки голова.
Такая грусть, что умиряет душу;
Такой покой, что замерли слова.

6 августа 1963 г.
Grundlsee

*
**

Как примирительна, как странна
Все - покоряющая тишина!
Течет, течет... Ни берегов, ни дна...
И тихій отблеск дали несказанной.

14 мая 1956 г.

*
**

Я слышу, как течет Рѣка Молчанья.
Склоняюсь и внемлю. То — тихій зов
Невѣдомых и дивных берегов
Из глубины Безбрежного Сіянья.

1956 г.

*
**

Торжествующе-звонкая трель
На пороге туманного утра.
Небо — все в островках перламутра
И задумчиво-нежен Апрель.

Напряженный и радостный мир
Весь захвачен стремительной трелью.
Это — зов к молодому веселью,
На сияющий утренний пир.

16 февраля 1966 г.

*
**

Средь тишины сияющих лесов,
Как островки в безбрежности молчанья, —
Нежданные прорывы ликования:
Трель иволги и щебет голосов.

Захватывают и зовут. Куда?
В чудесный край, далекий, золотистый?
Он близко, здесь: здесь, где лучи так чисты,
Где искрится у берега вода.

Февраль 1966 г.

*
**

Сияющий прорыв меж облаков
И вспыхнувшая золотом речушка
И позолоченная вдруг опушка
Дальнего леса и кукушки зов.

И легкие несущиеся тени
Чрез яркий луг. Потоки светлых струй...
О захвати меня и зачаруй,
Стремительный и юный день весенний!

1967 г. 2 мая

*
**

Что значат эти трели, завороты и узоры?
Что значат эти птичьи разговоры?
Тоненький, тоненький зов,
Звуковая зыбь, туманная глубь...

Успокойся! Свою боль забудь
В море тихих звуков без слов!

17 мая 1966 г.

*
**

Ели и мох. В зеленой полутени
Пахнет грибами. Чуть дрожит листок.
Кругом покой. Чуть-чуть между камней
Бормочет замирающий поток.

И все . . . Зеленый сумрак и молчанье,
Всепоглощающая тишина —
Как будто чаша без краев и граней,
Что изливается до дна.

Сьюзи (Южн. Тироль), 1967

ВЕСНА. РАЗСВЕТ.

Весна. Разсвет. Раскрыты двери
В задумчиво-гуманный сад.
Как зачарованные звери,
Ели мохнатые стоят.

По убегающей долине
Поток желтеет ноготков.
Сюда в разсветный час пустынный
Зовет уж пение дроздов.

И правда с чарою весенней
Переплетается тогда.
Фонтан горит. Под ним в бассейне
Отнями плещется вода.

И глуби неба разрывая,
Все ширится поток лучей
И словно пленка дымовая
Упала с трепетных очей . . .

14-го апреля 1968 г.

ПРИЗВАНИЕ ИОАННА

1.

. . . Первым пошел Андрей и брата
Привел к Иисусу (это Симон был).*)
Но был еще другой, неназванный, с Андреем,
Что вместе с ним последовал Иисусу
От самого Иордана . . .
И у него, повидимому, был брат
(Что следует, как будто, из рассказа).
Кто ж это были
Эти другие два брата?
Об этом ясно
Я ничего не написал.

2.

И я стоял и знаю только: трепетала
Моя душа, и я молчал, молчал,
И каждое над ней носилось слово
Как некая нежданная заря.
И слышу я (как в книге то расскажешь?):
Вдруг и ко мне он слово обратил
И имя мое назвал: Иоани!
А я, я пал к Его ногам, и ныне
Уж семьдесят и боле лет, как я за Ним,
За Ним иду . . .

1970

*) Срв. Евангелие от Иоанна I, 40-41: «Был Андрей, брат Симона Петра, один из тех двух, что слышали слова Иоанна и пошли за Ним. Он первый находит брата своего Симона и говорит ему» . . .

AUF DER HOHE

Unter der Last des Mittags ruh'ich gern —
Die Weite hat das Rufen aufgegeben,
Still zieht die Kreise rings verborgnes Leben —
Und nah geworden ist die klare Fern'.

Es ist die Stunde — höre du und lern! —
Von einem heimlich leisen Hauch durchbeben.
Es tritt heran. Es ist dir nun gegeben:
Das stille Harren vor dem nahen Herrn.

Und hörtest du in dieser Feierstunde
Das linde Windessäuseln in der Runde,
Das Herz erfüllt von stummer Segensqual,

— So knie hin in tiefergriffnem Weinen:
Dass du nur *Ihm* willst dienen nur dem *Einen*
Dann steig gefestigt in das enge Tal.

Juli 1933
Riesengebirge

AM BERGSEE

Die Mittagsglut strömt zitternd überm See.
Umspült, umtanzt von silbergrünen Wogen.
Es leuchtet still die sonnenhafte Höh',
Von gold'gem Dunst sind Berg und Tal umflogen.

Es ruft, es ruft! Bald is es Blau-Saphir,
Bald goldig-dämmrige Topasen-Steine,
So schimmerst du, o See, so winkst du mir
Aus deiner Wälder dunklem Schreine.

Kein Laut, kein Wort, Durchstrahlte klare Ruh
Und kaum erfassbar stilles Wehen . . .
Die dunkle Tanne strebt dir schweigend zu
Von unbewegten Felsenhöhen.

6 Aug. 1963
Grundlsee (West-Steiermark)

*
**

Ein blonder Tag und eine gelbe Hecke —
Strahlendurchschwirrt, in warmem Honigsduft,
Und helles Grün und blaue Blumendecke,
Und fliessend, strahlend, strömend — Frühlingsluft!

Und Wolken, die bald ziehn, bald träumend stehen,
Und dieses Rufen — ach, das scheint ein Traum! —
Aus allen Fernen und aus allen Nähen,
Aus jeder Biene und aus jedem Baum.

16/4 1967

*
**

Mon cœur est un enfant — plein de rêves divers
— Tantôt aux écoutes, tantôt il fredonne —
Plein de fruits mûrissants et de brumes d'hiver
Et du son mystérieux de rivières monotones

Et de douces rosées et de lueurs printanières
Sur un pic solitaire qui nage dans le vide —
— Toujours errant et cherchant et parfois ... si avide
De l'Indicible Présence et l'Indicible Lumière.

Le 24 déc. 1971

*
**

Сокрытою тропой, меж кочек, пней и теней
Вернемся ли, мой друг, издалека
Туда, где над рекой склонялся день весенний
И розовели облака?

День вечеряющий струится так привольно,
Запахло свежестью травы,
И нам опять и радостно и больно
В бездонности прозрачной синевы.

Июль 1972

УПАВШЕЕ ДЕРЕВО

Пусть рухнуло на землю, но... живет,
И никогда, быть может, с равной силой
Оно не зеленело, не манило,
Не расцветало, как теперь цветет.

И никогда, как в этот бурный год,
Оно такую щедрость не излило,
Оно такую сень не подарило,
Где каждый листик радостно зовет.

О сила жизни! Где ты ни царишь
Ты проблески внезапные даришь
И тишина — твой голос и улыбка.
И этот животрепетный шатер
Зовет в тиши и направляет взор
В покой и мир Безмерного Избытка.

27-28 июля 1972 г.
Си-Клифф

ОТРЫВОК

Ты знаешь ли: когда поток молчанья
Вдруг выйдет из сокрытой глубины —
Он затопляет все — и щебетанья
И говоры и шелесты и сны.

Захваченный весь этой вестью новой,
Я здесь прилег под елью вековой,
Лишь длинный палец на руке еловой
Трепещет над моею головой...

27 июля 1972 г.

*
**

Крутая вниз тропа... Но всё сильнее
Твоей руки я чувствую оплот.
И я пойду, куда она ведет.
Я в темноте и бездорожье — с нею.

1967

ИТАЛЬЯНСКИЙ УГОЛОК

Разгоряченные толпы народа
Сюда не приходили. Тишина.
И в одиночестве звенит струна
Там, в тишине, у векового входа.

И в мраморный струится водоем
Вода, из стройной изливаясь чаши.
И замирают треволненья наши.
Чуть-чуть струит вода... И мы — замрем.

.

А там вглуби, у церкви на пороге,
— Крест, и на нем — Распятая Любовь.
Освящены — и терния и кровь.
И Мать склонилась и целует ноги.

1970
